

Н. Русова, В. Шевцов

«Мой письменный верный стол!..»

Вы прочитали первое (и, пожалуй, наиболее выразительное) из пяти стихотворений Марины Цветаевой, составивших цикл «Стол» и обращенных ею к своему рабочему месту — письменному столу (разумеется, качество, размер и местоположение этого стола совершенно неважны, важно лишь его предназначение — для письма). Перед вами гимн поэту своему труду, своему призванию, от которого невозможно отказаться и которое оказывается единственной успешной защитой от всех «мирских соблазнов» и «низостей» жизни.

Прием постепенного и неуклонного обогащения основного образа смысловыми оттенками путем нарастающего потока перифразов, каждый из которых разворачивается в некий микрообраз, здесь применен с покоряющим мастерством. Письменный стол уподобляется и верному спутнику — «по всем путям», и охраняющему от досужего любопытства «шраму», и выносливому «вьючному мулу», и строгому зеркалу, и даже доскам при жизни заготовленного гроба и волнам, заливающим морской берег (по-немецки шtrand). Очень выразительно сравнение письменного стола с огненным столпом, в образе которого Бог, по преданию, указывал путь евреям при исходе из Египта.

Кованый четырехстопный ямб с исключительно мужскими рифмами, обилие обращений и благодарностей с восклицательным знаком создают атмосферу своеобразного благодарственного гимна и в то же время передают поистине негибкую волю к творчеству и неистребимое чувство долга, присущее автору. Особую смысловую емкость стиха обеспечивают многочисленные эллипсисы — пропуски легко восстанавливаемых элементов высказывания (например, «...всем низостям — наотрез!»), переносы; изысканно не закончено одно из самых сильных сравнений:

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватись за столовый кант...

Многоточие передает необъятность открывающихся поэту пространств, и особенно сильно звучит после этой оборванной фразы удар «волны» следующей строки:

Меня заливал, как шtrand!

Постоянные звуковые и смысловые переключки слов и словосочетаний также значительно расширяют семантическое пространство стихотворения. Интересно и то, что Цветаева как бы сливает в одно две синтаксические позиции, умудряясь вложить в одно высказывание несколько смыслов:

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь ввевшийся — край стола!

Ритм позволяет «прочитать» в этой строфе и тот смысл, что поэт благословляет свой стол «лбом, локтем, узлом колен», а также и то, что стол «испытан», как рабочий инструмент — пила. Хотя если всмотреться в знаки препинания, то структура высказывания следующая: испытанный — чем? — лбом, локтем, узлом колен; в грудь ввевшийся — как? — как пила.

Эта последняя строфа-благословение удивительна еще и тем, что здесь так мужественно, «затрудненно» и победно звучит согласный «л» — а ведь, казалось бы, с помощью

этого звука передается только шелест волн и ласковое лепетанье женщины. Цветаева даже в этой мелочи ведет себя как гениальный мастер — опрокидывает наши сложившиеся представления о русском стихе.